

Мам!

Пьеса

Анны Власюк

Email anna@annavlasjuc.com

Персонажи:

Мать – Женщина-иммигрант, ок. 40 лет

Дочь – Ее ребенок, до 10 лет (актриса может быть старше)

Актрисы и их акценты могут быть любого происхождения. У Дочери может не быть акцента, как часто бывает у детей, выросших в семьях иммигрантов, которых привезли в новую страну в совсем юном возрасте.

Пьеса длится до 1 часа без антракта, актеры не покидают сцену.

Обычный шрифт обозначает диалог между персонажами, *курсив* – их внутренние монологи. Сцена практически пустая, декорации и реквизит скорее условные, а не реалистичные.

Сцена 1: Утро

Мать и Дочь лежат рядом. Дочь не спит, она тихонько двигается, возможно, играет, стараясь не разбудить Мать, но в конце концов ей становится скучно и...

Дочь: Мам! Мам!
Просыпайся, мам!
Уже светло совсем.
Мам, я есть хочу. Вставай!
Мать: Ну ладно, ладно. Сейчас встану.

Мать: Я лежу и не хочу шевелиться. Она вскакивает и семенит к окну, открывает его — в комнату влетает шум большого города и огромная муха, которая пугает ее, и она бежит обратно в постель, смешно пригибаясь. Устраивается поуютнее под одеялом.

Иногда я думаю, что, если бы не она, я бы вообще не вставала с постели.

Дочь: Как ты себя чувствуешь сегодня, мам?
Мать: Еще не знаю. Встану — пойму. А ты?
Дочь: Отлично! Погода хорошая, пойдем гулять?
Мать: Ладно. Давай сначала поедим. Потом я проверю почту и можем пойти погулять.
Дочь: Ура!

Мать: Мы завтракаем вареными яйцами и залитой кипятком овсянкой с сухофруктами. Я уже давно не готовлю. Она не жалуется. Я бы на ее месте жаловалась. Но она радуется любой еде и любым мелочам. Пока она смотрит смешные видео про животных, я проверяю почту. Спам, отбивки, отказы после собеседований, отказы до собеседований, счета на оплату. За квартиру я недавно заплатила, и у меня есть деньги,

чтобы оплатить аренду еще за один месяц. Я снова смотрю в экран, как будто от этого там что-то изменится. Но нет. Только новые отказы и счета. Хороших новостей пока нет.

Одеваемся. Сегодня жарко, середина июля. Она надела сарафан в цветочек (знакомая отдала нам его), а я – серую футболку и летние брюки.

Следующие реплики могут звучать параллельно: Мать смотрит на себя в зеркало, а Дочь наблюдает за ней, и обе размышляют о том, что они видят.

Мать: Я смотрю в зеркало и не понимаю – это действительно я?

Дочь: Моя мама такая красивая! У нее самые прекрасные волосы.

Мать: Я выгляжу намного старше, чем когда мы уехали из дома. Овал лица «поплыл», появились морщины...

Дочь: Когда на ее голову светит солнце, она похожа на ангела с сияющим нимбом!

Мать: Я ношу самую простую одежду – такую, в которой удобно, немаркую, чтобы гладить не надо было (у нас нет утюга).

Дочь: У нее такой ровный подбородок, а нос похож на носы древних статуй, которые мы видели в Британском Музее.

Мать: Я больше не ношу каблуки, не хожу на маникюр и «на реснички». Даже не помню, когда я в последний раз была у косметолога – может, года три назад?

Дочь: У нее такая нежная кожа. А еще, она высокая и у нее очень длинные руки и ноги.

Мать: Самое ужасное, что я поправилась. Как это вообще получилось – у нас ведь вечно не хватает денег, чтобы есть досытно! Куда делась моя талия?

Дочь: Когда она обнимает меня этими своими длинными руками и я кладу голову ей на грудь, я чувствую себя дома, где бы мы ни находились.

Мать: Я пытаюсь улыбнуться отражению. Все не так уж и плохо.

Дочь: Она все еще забывает об этой вежливой легкой улыбке, которую тут все используют.

Мать: В конце концов мы живем в стране боди позитива!

Дочь: Зато когда она улыбается по-настоящему – например, когда она видит кого-то, кто ей нравится, или что-то очень ее радует – ее глаза сверкают, как драгоценные камни, и это самое замечательное зрелище на свете!

Мать: Краем глаза я вижу, что она наблюдает за мной, и в ее взгляде – восторг и обожание.

Дочь: Я обязательно дам ей повод сегодня так улыбнуться, хотя бы один раз – обещаю!

Они смотрят друг на друга и улыбаются, замирая.

Сцена 2: На улице

Мать: Парк недалеко, и мы идем пешком. Я смотрю по сторонам, контролируя обстановку. Она – в поисках интересного. Идти совсем недолго, но мы успеваем шесть раз остановиться: чтобы понюхать цветы, посмотреть, как там старый деревянный забор, который на прошлой неделе

*сломался, и проверить, как близко подберется к нам белка,
если мы совсем не будем двигаться...*

Дочь: Мам, что это такое?

Мать: Я не знаю.

Дочь: А это?

Мать: Роза, наверное.

Дочь: Больше на шиповник похоже.

Мать: Может, и шиповник.

Дочь: Мам, смотри, а тут новые цветы появились! Вчера их не было.

Мать: *Разве? Не обращала внимания. Наверное, не было. Надо
иногда смотреть не только под ноги и на дорогу, и за
подозрительными типами, которые тут постоянно
встречаются.*

Дочь: Смотри, ягоды! Они съедобные?

Мать: Да, это вишня.

Дочь: Как у бабушки на даче была?

Мать: Да...

Дочь: Можно я нарву нам вишню?

Мать: Нет, нельзя. Это чей-то сад, они будут ругаться, если увидят,
что ты рвешь их ягоды.

Дочь: Но они висят над дорогой, а не над садом! И падают уже. Их
птицы склюют все равно. Ну мам!

Мать: *Я беру ее за руку и веду за собой, чтобы она больше не
отставала. Надо идти!*

*Мы проходим мимо еще одного ухоженного таун-хауса с
низким каменным забором. На заборе, как на пьедестале,
сидит огромный толстый кот. Он замер и подставил морду
утреннему солнцу. Кот мяукает, и мы снова
останавливаемся.*

Дочь: Ой, здравствуйте! Здравствуйте, Мистер Кот! Как ваши дела?

Мать: Твой новый приятель?

Дочь: Да нет, мам, мы его раньше видели, ты что, забыла? Он часто тут сидит. Идите сюда, Мистер Кот.

Мать: *Кот спрыгивает со своего пьедестала и лениво потягивается. Она садится на корточки и не без усилия поднимает его. Кот не сопротивляется, не пытается убежать – ему спокойно у нее на руках, он мурчит и бодается. Но он слишком тяжелый для нее: она еле-еле держит его, но сияет от счастья, когда он лижет ее щеку.*

Мать: Поставь его на место. Что если он блохастый или лишайный?

Дочь: Мам, это домашний кот, за ним хорошо следят. Посмотри, у него даже когти подстрижены!

Мать: *Она берет его лапу и поворачивает ее, чтобы показать мне подстриженные когти. Кот не сопротивляется: кажется, он настолько ей доверяет, что она может делать с ним все, что захочет. Не знаю, почему, но я начинаю нервничать.*

Мать: Что если хозяева решат, что ты хочешь его украдь. Отпусти его, сейчас же.

Мать: *Она отпускает кота, вздыхая и закатывая глаза.*

Дочь: Ладно. До свидания, Мистер Кот.

Мать: *Наконец-то мы заходим в парк. Еще рано, людей немного, в основном, собачники.*

Дочь: Ой, мам, смотри, какой там щенок! Такой толстенький и славный! Можно мне тоже такого?

Мать: Можно, конечно, можно, только не прямо сейчас.

Дочь: А кота тоже можно? Как Мистер Кот.

Мать: И кота можно.

Дочь: Но тоже не сейчас?

- Мать:** Верно.
- Дочь:** А что можно сейчас?
- Мать:** Можно мороженое. Хочешь?
- Дочь:** Нет, не хочу. У меня зуб может заболеть. И там очередь.
- Мать:** *К фургону с мороженым, правда, очередь. Вот, оказывается, где все люди. Мы не любим стоять в очереди. Да и стоит мороженое так, как будто его на королевской молочной ферме делали. А уж сколько придется заплатить зубному, если у нее заболит зуб, я даже думать не хочу.*
Мы идем дальше.
- Мимо проходит невысокая женщина с двумя большими собаками. Наверное, это питбули. Одна собака спокойная, вторая все время тянет поводок. Женщина что-то строго говорит собаке.*
- Дочь:** Ха-ха-ха, мам, ты слышала, что эта тетя сказала?
- Мать:** Нет, что она сказала?
- Дочь:** Что, если пес будет плохо себя вести, она его больше не возьмет гулять. Смотри, и он успокоится сразу! Он что, понимает?
- Мать:** Ну они умные так-то...
- Дочь:** Вот, я такую собаку хочу, умную. Буду ей давать задания. И будет нас охранять.
- Мать:** Да уж, кто бы нас от нее охранял.
- Мать:** *В парке поют птицы. Собаки и дети бегают туда-сюда. Все нарядные и беззаботные. Даже у меня тут меньше тревожных мыслей. В голове приятная пустота и легкость. Мы просто идем и дышим. Иногда считаем шаги. Иногда пытаемся угадать, о чем говорят люди вокруг, что их заботит. Вернее, я пытаюсь угадать, а она понимает. Она практически все понимает – даже если это пара слов, брошенных на лету. А мне тяжело.*

Говорят, что чем старше мы становимся, тем хуже мозг работает. Кажется, я живое этому подтверждение.

Дочь: *Этот город летом – мое самое любимое место на земле!*

Тут столько всего происходит, и все такое зеленое. Кругом что-то цветет, блестит, созревает. Ой, вон там ежевика!

Когда мы только приехали сюда, была еще зима, и было ужасно холодно и неуютно – и люди были какие-то мрачные. Тогда я поначалу даже испугалась: неужели так и дальше будет? Но как только вышло солнце, все изменилось до неузнаваемости!

Вы замечали, что, когда светит солнце, у людей совсем другие лица? Вот и у моей мамы тоже, хотя, конечно, она всегда красивая. А вот интересно, она все еще может меня догнать?

Мать: *Вдруг она начинает бежать вприпрыжку. Я слегка смущаюсь, непонятно почему, – никому и дела нет. Бегу за ней, пытаюсь поспеть. Она счастливая и запыхавшаяся бежит и оглядывается на меня.*

Дочь: *Мам! Давай, мам! Побежали! Быстрее!*

Мать: *От одной подобной пробежки у нее до сих пор шрам на коленке. Просто надо смотреть, куда бежишь. Но ей все равно. Догоняю, касаюсь ее плеча. Она немного замедляется.*

Мы обе тяжело дышим. У меня расстрапались волосы, я вспотела, лицо красное. Этот пот – это уже подступает менопауза? Да нет, конечно, нет. Просто, правда, очень жарко сегодня.

У нее здоровый персиковый румянец и кожа как будто светится. Мы садимся на скамейку перевести дыхание. Это мемориальная скамейка: кто-то подарил ее парку в память о близком человеке. На скамейке табличка: «Моей жене, Анне, которая любила этот парк».

На скамейке оставленные кем-то засохшие цветы. Она тянется к ним руку.

Мать: Не трогай!

Дочь: Почему?

Мать: Хороший вопрос. Правда, почему? Поздно вспоминаю, что мне не стоит все время ее одергивать. Что такого, пусть потрогает цветы, если хочет. Мы же не на кладбище. А даже если бы и были на кладбище. Почему нельзя там трогать цветы, которые кто-то принес на могилу любимого человека? И почему я вдруг подумала про кладбище в такое солнечное утро? Наверное, у меня от жары и бега ум немного помутился...

В парке очень хорошо. Мы не хотим уходить. Но пора. Мне надо на работу. Сегодня вечерняя смена.

Мать: Пойдем. Через час начнется смена, надо еще до метро дойти.

Дочь: Пошли!

Мать: Она спрыгивает со скамейки.

Сцена 3: В дороге

Мать: Мимо нас проходит семья. Молодые, счастливые, здоровые: красивая мама, высокий и спортивный пapa и ребенок лет пяти на самокате. Ребенок лихо гонит самокат вниз по склону холма, пapa бежит за ним. Мама с животом — ждут второго. Мне тяжело на них смотреть, я отворачиваюсь. Она, конечно, в первую очередь замечает самокат, но от ее внимательных глаз не ускользает и перемена на моем лице. Она внимательная, но не то чтобы очень тактичная.

Дочь: Мам, а почему мы без папы приехали?

А, мам?

Мам?

Мать: Почему?

Я думаю о месте, из которого я уехала. Была ли я там счастлива? Было ли там хорошо? Я все еще вижу его во сне, иногда я так сильно хочу вернуться туда, что аж в груди все сжимается до боли.

Я думаю о человеке, который остался там. «Папа». Был бы он хорошим папой?

Наверное, я больше всего тоскую по этой фантазии, воспоминаю о прекрасном светлом прошлом, которое, вероятно, не было таким светлым и прекрасным, когда было настоящим. Я даже не уверена, что оно было на самом деле – но воспоминания о нем еще очень живы.

Мы никому не сказали, что уезжаем. Даже моим родителям. Они бы попытались уговорить нас остаться. А я бы не смогла сопротивляться этому.

Это было мое решение. Для меня. Но главное – для нее.

Дочь: Мам?

Мам!

Мать: Она останавливается и сжимает мою ладонь. Ай! Вот это силища! Я делаю вид, что мне не больно, что я вообще ничего не почувствовала. Я уже стала мастером в имитации отсутствия чувств.

Спускаемся в метро молча. Она продолжает вертеть головой и, кажется, еле сдерживается, чтобы не начать болтать...

Дочь: Тут красивая модель на плакате, ой, а тут смешная картинка... А эта пьеса детская или нет? Интересно, нам она понравится? Давай сходим посмотрим. А вот эта книжка понравилась бы Маше, а эта Саше – вот бы мы могли просто покупать друзьям книжки и конфеты в красивых коробках и ходить в театры почаше! Когда я вырасту и

разбогатею, только это и буду делать. Но сначала, конечно, отвезу маму в отпуск – в какое-нибудь очень классное место. А вот как раз реклама «волшебного отпуска» – ну ка, как это место называется? А-ру-ба. Понятия не имею, что это и где, но думаю, что нам подойдет! Можем для начала поехать туда. А потом – в Японию! Я как-то в парке услышала, как один пожилой джентльмен говорил даме, что в апреле в Японии особенно прекрасно. Так что решено: в следующем апреле мы с мамой полетим в Японию...

Мать: *Но она видит, что я не в настроении, и молча сидит рядом в душном вагоне метро, вертит головой, рассматривая яркую рекламу. Она могла бы побить рекорд сидения в тишине, как вдруг...*

Дочь: Мам. Мам!

Мать: Что такое?

Дочь: Мам, этот дядя... странно на меня смотрит.

Мать: *Мужик напротив – толстый, лысый – правда, вылупился на нее. В вагоне жарко, у нее короткое платье, коленки видны – на левой шрам. На лбу капельки пота. Мужик облизывает губы. Сейчас мне бы особенно хотелось, чтобы рядом был папа, который мог бы ее защитить от этих взглядов. Набить морду мужику. Но мы без папы приехали. Да и всем, кто плятится, морды набить невозможно.*

Мать: Поправь платье. Не ерзай, сиди спокойно. На тебя полвагона смотрит.

Дочь: Эти люди нормальные, у них глаза добрые.

Мать: *Откуда эта вера в людей? Или не так. Почему мне так сложно верить, что «добрые глаза» – это по-настоящему, что это надежный показатель «нормальности»?*

Мать: Наша остановка. Пойдем.

Мать: *Выходим из вагона, дальше длинный коридор, пробираемся сквозь медлительный поток. Времени хватает, но я бы лучше пришла пораньше. Душно. Я снова вспотела, изо всех сил стараюсь не думать, почему. Просто в метро очень жарко. На улице должно быть полегче. Работа близко от метро, буквально за углом.*

Сцена 4: Паб

Дочь: Мам, зачем мы сюда пришли?

Мать: Я тут работаю.

Дочь: Мам, на кухне? Ты же не готовишь.

Мать: Я мою посуду.

Дочь: У них что, нет посудомоечной машины?

Мать: Машины есть. Машинка моет, а я загружаю и выгружаю – ничего сложного. И вытираю. И стаканы полирую полотенцем, смоченным в уксусе.

Дочь: Тебе это нравится?

Мать: Не нравится. У меня кожа чувствительная, а от уксуса она трескается.

Дочь: Тогда давай уйдем отсюда?

Мать: Я не могу. Сиди тихо, я буду работать.

Мать: *Надеваю темно-синюю футболку с логотипом ресторана и фартук. Она послушно садится в уголок.*

Дочь: Мам, можно мне телефон посмотреть пока?

Мать: Держи. Аккуратно только, там в чехле все карточки наши.

Мать: *На кухню заходит коллега – Луиза. Кивает, и я в ответ тоже. «Привет» – «Привет». Мы мало разговариваем. Она тоже не отсюда. Языка почти не знает. И тоже постоянно грустная и уставшая. Мы не улыбаемся. А если и улыбаемся,*

то такой извиняющейся улыбкой, которая как будто говорит: «Надеюсь, я тут вам не помешаю».

В кухню заглядывает управляющий, Стив. Невысокий белый мужчина лет за 50. Он из Южной Африки и всегда на позитиве – мне кажется, так они там в солнечной Африке и живут. На собеседовании он сказал мне, что его жена тоже иммигрантка. «Из ваших краев» - сказал он и подмигнул мне, - «самые красивые и сильные женщины приезжают оттуда». Стив машет мне и Луизе, не замечая ребенка, снова миоподмигивает, и исчезает.

Время обеда. Беготня и суэта. Официанты заносят тарелки с остатками еды. Иногда она почти совсем нетронутая.

Зачем заказывать столько, сколько не съешь? Или почему люди берут картошку фри, если вообще не едят ее?

Она подходит к стойке, встает на цыпочки и тянется руку к картошке.

Мать: Стой! Что ты делаешь?

Дочь: Мам, я голодная.

Мать: Нельзя, мы же не знаем, кто это ел.

Дочь: Никто не ел!

Мать: Ну, кто трогал. Это не наше, нельзя!

Мать: *Она обиженно возвращается на свое место. Краем глаза я вижу, что она передразнивает меня: «нельзя, мы не знаем, кто это ел!». Но Луизу это не останавливает. Она подходит к тарелкам и начинает сметать с них все, что кажется более-менее нежёваным: остатки овощей на гриле, картошку, куски стейка. Меня сейчас стошнит. А Луиза улыбается и протягивает нам тарелку, делая жест рукой, который, видимо, значит «вкусно, попробуйте». Я улыбаюсь и мотаю головой. Спасибо, но нет. И ей не предлагай тоже.*

Мы хоть и бедные, но обедки чужие не едим.

Поворачиваюсь снова к своим стаканам. От уксуса щиплет глаза, и на них выступают слезы. Или это не от уксуса? Мне почти 40 лет, я полирую стаканы в душной кухне вонючего паба... Тут она подбегает и дергает меня за фартук.

- Дочь:** Мам, давай я тебе помогу. Мам!
Смотри, я буду доставать и передавать стаканы тебе, а ты будешь вытираять их.
- Мать:** Тебе нельзя работать, ты маленькая.
- Дочь:** Никто не увидит.
- Мать:** Луиза увидит.
- Дочь:** Она никому не скажет, она хорошая.
- Мать:** *Опять эта странная уверенность, что все вокруг хорошие. Как же мало ты еще знаешь!*
- Мать:** Ладно, давай, но, если кто-то зайдет, сразу прячься под стол.
- Дочь:** Ура! Мы так быстрее все сделаем и пораньше уйдем.
- Мать:** *Пораньше уйти мы не сможем: часто бывает, что единственная награда за спорную работу – это еще больше работы.*
Но она права: вдвоем действительно получается быстрее и как-то не так тяжело. Вот уже и спина у меня не болит.
Но еще осталась где-то третья смены. И мой маленький помощник становится любопытным.
- Дочь:** Мам, а зачем уксусом протирать стаканы?
- Мать:** Чтобы пятен и разводов не было.
- Дочь:** А почему пятна? Они что, грязные? Ты же только что их из машинки достала.
- Мать:** Нет, они чистые, но от воды бывают разводы.
- Дочь:** А люди не чувствуют вкус уксуса, когда пьют чай или воду из них?
- Мать:** Не знаю – мне самой интересно.

Дочь: Давай проверим. Налей воды мне сюда?

Мать: Протягивает мне стакан, который я только что отполировала. Я не могу удержаться – любопытство берет свое. Беру стакан, наливаю воду. Делаю маленький глоток. Чувствую привкус. Ну и запах естественно. Тьфу! Интересно, может, он потом выветривается?

Дочь: Ну как? Дай я попробую!

Мать: Нет, не надо тебе всякую дрянь пить.

Дочь: Тогда скажи, как?

Мать: Как уксус. Кисло. Наверное, выветривается, пока на полке стоят.

Дочь: Надо нам изобрести такое средство, которое не будет пахнуть.

Мать: Следующие пару часов получается скоротать, обсуждая, как еще можно улучшить кухню в этом убогом ресторане. Если бы они только знали, какие гениальные идеи приходят в голову их сотрудникам на минимальной ставке! Они ведь думают, что я не очень умная. Говорю с акцентом; медленнее, чем они, формулирую мысли; иногда делаю грамматические ошибки. Интересно, что мы судим о людях на основании того, как те говорят. Вот Луиза, она вообще почти не знает язык. И даже мне она кажется туповатой. Хотя, возможно, у нее, как и у меня, два высших образования или даже ученая степень. Может, она там у себя в стране была физиком или врачом? Вот и встретились на кухне физик и лирик... И никто не узнал, какие выдающиеся идеи и мысли были в их головах под кепками с логотипом паба, а заметили только, что тарелки они протирают не очень быстро.

Вам, наверное, любопытно, как я оказалась на этой кухне? Когда я приехала и поняла, что по специальности мне тут работу не найти, более опытные знакомые-иммигранты посоветовали пойти работать официанткой в бар или

ресторан – быстрые деньги и ничего уметь не надо. Последнее – наглая ложь. Оказывается, наливать пиво я не умею. И быстро ходить с четырьмя тарелками между столами тоже. С барным меню моя память так и не подружилась, да и блюда запоминаю с трудом. Было бы намного проще, если бы они назывались как-то более логично, типа жаркое из картошки с капустой, а не *bubble and squeak* – «бульканье и писк».

Дочь: Мам, да все логично, просто капуста такие звуки издает, когда ее жаришь.

Мать: Ну да, мне-то откуда знать – я же не готовлю.

Мать: Может, поэтому мы и приехали без папы? Надо было учиться готовить и вообще быть более хозяйственной, а не книжки читать.

Смена наконец-то закончилась.

На выходе управляющий Стив останавливает меня в коридоре.

Он вручает мне пакет с коробкой для еды на вынос.

Мать (изображая Стива): Вот, возьми, можешь разогреть дома. Я знаю, вы любите мясо.

Мать: Пахнет волшебно – сразу слюнки потекли. Я очень хочу взять пакет. Мясо такое дорогое, я не могу его покупать так часто, как хотела бы. Я постоянно переживаю, что плохо ее кормлю, что ей надо есть больше белка. Но разве можно мне его взять? Я не уверена, что это разрешено и что у Стива не будет проблем из-за этого. А что, если меня обвинят в воровстве? А что, если он хочет меня подставить?

Что же мне делать? Она шепчет мне:

Дочь: Мам, бери, будет невежливо, если ты откажешься.

Мать: Словно в замедленной съемке, я вижу, как моя рука тянется к заветному пакету. Я благодарю его дрожащим голосом.

Мать: Стив, я... Спасибо, спасибо вам большое!

Мать: Я беру пакет. Он даже тяжелее, чем я ожидала. Нам хватит больше, чем на один ужин! Мы со Стивом остаемся в этой странной позе на минуту: оба держимся за пакет, и наши пальцы слегка соприкасаются. И тут он вдруг берет мою ладонь в свою большую руку. Меня удивляет, что у этого жеста нет какого-то интимного подтекста, просто несколько мгновений взаимодействия двух людей, когда один предлагает другому еду и нечто большее: немногой уверенности и тепла. Это касание как будто говорит: «Все будет хорошо. Ты со всем справишься. Всегда будет кто-то, кто готов тебе помочь...». Я осторожно улыбаюсь ему. Я уже не помню, когда в последний раз, кто-то так держал меня за руку.

Ох, Стив, знал бы ты, как я тебе благодарна...

Вдруг Стив начинает вести пальцами вверх по моей руке – всего одно маленькое изменение, чуть другой жест, но внутри меня все сжимается...

Мать (изображая Стива): У тебя такая нежная кожа... И рука такая тонкая...

Мать: Я не верю своим ушам. Я хочу убрать руку, но он все еще держит ее в своей широкой ладони, а другой продолжает гладить мою кожу. Осознание того, что он мой начальник, что я от него завишу и что он только что дал мне двойную порцию стейка делает все только хуже. Ну не могу же я... за стейк...

Что если я отпущу пакет и просто убегу?

Стив самодовольно улыбается, как будто так и надо.

Как будто он мне делает одолжение.
Я не могу пошевелиться.

Дочь: Я подпрыгиваю и выдергиваю мамину руку! Что это он творит? А мама – ну, камон? Разве можно, чтобы кто-то так гладил ее руку? Это неправильно!
Но особенно я разочарована в Стиве.
Теперь мне все ясно. Наконец-то я понимаю, что мама имеет в виду, когда говорит, что не все люди хорошие. Вот так в одну минуту предложить помочь и потом потребовать что-то (не уверена, правда, что) взамен?
Возможно, мама права, и не все люди добрые?
Я хватаю пакет: мы так трудились в этой дыре, что заслужили все, что в нем! – беру маму за руку и веду ее наружу, на улицу, в безопасность!

Сцена 5: Улица, вечер

Мать: Мне надо остыть, подышать. Наверное, нужно подумать о том, что сейчас произошло, но... если думать об этом сейчас, у меня просто голова взорвется. Можно мне подумать об этом завтра? Я украдкой смотрю на нее. Она в бешенстве! Молча с сосредоточенным выражением на лице шагает по дорожке пиная камушки и песок. Она до сих пор тащит меня за руку, как будто она тут старшая, а пакет со стейком качается в такт ее резкой походки.

Я неохотно забираю у нее пакет. Мы решаем пойти до следующей станции пешком, чтобы проветриться. И, конечно, начинается.

Дочь: Мам, я есть хочу.
Дочь: Мам, я замерзла.
Дочь: Мам, я писать хочу.
Дочь: Я ногу натерла.

- Дочь:** Мам!
- Мать:** Хорошо, хорошо! Надо посмотреть, где мы вообще оказались и как выйти поскорее к метро.
- Мать:** *Достаю телефон, открываю карту. Почему улицы на карте всегда выглядят не так, как в жизни? Тут улица поворачивает, но на карте как-то по-другому нарисовано...*
- Дочь:** Дай я посмотрю!
- Мать:** *Она берет у меня телефон. Вертит. Вертится с ним сама. Проходит несколько шагов в одну сторону и возвращается. Потом в другую. Мы стоим посреди небольшой улицы в центре, машины по ней не ездят, тут только пешеходы и велосипедисты – те спортивные ребята, которые крутят педали по два раза в день, на работу и с работы.*
- Дочь:** Нет, я тоже не понимаю.
- Мать:** *Она протягивает телефон мне.*
В этот момент между нами со свистом проносится парень на велосипеде – мы еле успеваем отскочить! Вот урод!
- Мать:** Эй! **Дочь:** Мам!
- Мать:** *Он выхватил телефон у нее из руки! У меня подгибаются колени. А он уже в 10 метрах от нас и быстро смыывается. Что делать? Телефон разблокирован – он же может украсть все мои данные. И карточки! Все мои карточки в чехле!*
Какая же я дура!
- Дочь (кричит):** Вор!
Держите его!
Он украл телефон!
- Мать:** Стой! Куда же она? Стой!

Но она уже далеко, гонится за телефонным вором и кричит изо всех сил:

Дочь (кричит): Он украл телефон!
Держите вора!

Мать: *Вор на велосипеде сворачивает за угол. Она бежит за ним и тоже скрывается за зданием. А что, если у него нож?*
Нельзя, нельзя было ее отпускать!

Из-за угла доносится какой-то звук: свист тормозов, потом удар, потом какие-то крики. Но это не ее голос – она перестала кричать. У меня голова кругом – что, что мне делать? Так страшно идти туда...

На ватных ногах дохожу до угла, заворачиваю. Она сидит на корточках в нескольких метрах. Дрожит. Осторожно подхожу ближе. Она поднимает голову – бледная, в шоке.

Дочь: Мам! Телефон.

Мать: *Она протягивает мне телефон. Руки дрожат у нас обеих. Но, кажется, она в порядке. Это самое главное. Меня охватывает волна облегчения, и я вдруг чувствую себя совершенно обессиленной и буквально падаю рядом с ней на тротуар. Хватает сил только на то, чтобы обнять ее узкие плечи.*

Мать: Ты цела?
Дочь: Да, мам.
Мать: А телефон, не разбился?
Дочь: Нет, целый!

Мать: *Я смотрю на телефон. Ни царапины. Все на месте, и карточки, и телефон работает. Она не пострадала. Все хорошо.*

Мать: Что случилось?

Дочь: Вот тот дядя услышал, как я кричала, и встал на пути у вора, чтобы его поймать, но вор резко остановился, повернулся, почти упал с велосипеда и выбросил телефон! Дядя побежал за ним, но он уехал. Он поехал туда. А я подняла телефон и села тут. Представляешь! Дядя говорит, надо вызвать полицию. Как нам повезло, что он нам помог, да, мам?

Мать: Я пытаюсь посмотреть на «дядю» – у меня в глазах слезы, поэтому сложно его разглядеть. Да, я снова плачу, что за размазня! Вытираю глаза кулаком – как делает она, когда плачет. Конечно, это проще сделать, когда нет риска размазать тушь по лицу.

Это высокий парень, моего возраста или чуть помладше. Он слегка запыхался после погони за телефонным воришкой, но уже обсуждает что-то с прохожими: кажется, они спорят, надо ли вызывать полицию. Полиция ничего не сделает тому вору. Максимум, на что они способны, это повесить знаки, предупреждающие, что «Здесь орудуют карманники» – слово это какие-то рабочие, которые выполняют тут какое-то важное поручение.

Парень замечает меня, улыбается. У него приятная улыбка. И глаза добрые. Кажется, он, правда, хороший. Ой, что я такое говорю?

Дочь: Мам, ну, конечно, хороший!

Мать: Красивый – это точно. Заканчивает разговор с парой прохожих, идет к нам. Я встаю. Мне так неловко, я понимаю, что я в полном раздрайе. Уши горят, под глазами темные пятна от туши, светлые брюки испачкались... У меня в руке болтается пакет с коробкой со стейком, но коробка открылась и стейк высыпался из коробки и валяется в

пакете... Надо просто поблагодарить этого парня – это несложно. Может, я должна предложить ему денег за помочь? Но у меня нет налички... У него, правда, классная улыбка...

Дочь: Мам, ну не бойся, поговори с ним.

Мать: Да не боюсь я.

Дочь: Я никому не скажу.

Мать: Что не скажешь?

Дочь: Ну если ты сделаешь или скажешь глупость, я никому не скажу.

Мать: Что?

Дочь: Он уже близко. Улыбайся!

Мать: Да какой смысл, я ужасно выгляжу...

Дочь: Ты прекрасно выглядишь. Просто будь собой.

Мать: *Она отряхивает мои брюки – спереди и сзади.*

Мать: Ладно. Ладно, я попробую. Все, хватит суетиться.

Мать: *Парень, словно не замечая ее, смотрит мне прямо в глаза и протягивает руку.*

Мать: Здрасьте... Спасибо. Вы очень смелый.

Мать (изображая парня): Нет, это вы смелая.

Мать: *Я хочу возразить, что это не я, а она. Но она же обещала никому не говорить... Пусть он думает, что я тоже смелая.*

Вскоре мы начнем встречаться. И провстречаемся почти полгода. Он будет добрым, активным и отзывчивым, скорее pragmatikom, чем romantirom. Счет он предпочитает делить пополам. Но он будет звонить мне почти каждый день, помогать по мелочам и иногда даже смеяться своими шутками. Мне будет казаться, что все идет хорошо.

Пока однажды он не пригласит меня вечером в бар. И там, перекрикивая музыку и треп нескольких компаний банкиров из Сити, собравшихся за традиционной пинтой пива после работы, он скажет, что ищет девушку для серьезных отношений, для создания семьи. И хотел бы найти кого-то с более близкими корнями и менталитетом. Мы с ним просто слишком разные – в культурном плане.

Когда она об этом услышит, она будет очень долго смеяться.

Я бы плакала и прокручивала в голове все, что должна была бы сделать иначе, но благодаря ей, я тоже не расстроюсь, а скорее разозлюсь. Так что мы вдвоем перемоем ему кости, и я тоже буду смеяться.

Дочь: *Вот засранец! Ну и пусть катится искать себе пару в свой английский сад!*

Мать: *И подобное повторится еще раз, и еще, я понимаю. Я буду пытаться найти кого-то, кому смогу доверять, буду разочаровываться и горевать, но я не разрешу никому выбить почву у меня из-под ног.*
Ради нее.

Сцена 6: Поздний вечер

Мать: *Такой тихий и приятный вечер. Дневная жара спала, уступив место уютному ароматному теплу. В воздухе столько запахов: фруктов, цветов, земли... травы.*
Когда живешь в северном городе, в таких жарких летних вечерах есть что-то особенное, вы замечали? Они такие редкие и ценные, и мне они дают надежду. Как будто это обычно холодное место наконец-то обнимает тебя и говорит: «У тебя все будет хорошо».

«Летом счета за газ и электричество ниже, ты сможешь сэкономить фунтов 50 в месяц. Возможно, получится наконец-то сводить ее на ту постановку «Унесенных Призраками», которую она так хотела посмотреть. Или купить ей новое платье – в секонд-хенде, конечно».

Дочь: Мама улыбается. У нее грустная улыбка, но мне она нравится. Я бы хотела поговорить с ней, но вижу, что сейчас не самое подходящее время. Мама спокойная, и вокруг нас тихо и мирно.

Я замечаю движение где-то сбоку: мы проходим мимо палатки, притулившейся рядом со старой заброшенной больницей. Мама не смотрит в эту сторону. А мне любопытно.

В палатке сидит женщина. Она читает книгу, светит себе фонариком. У нее милое лицо, только уставшее какое-то. Снаружи на старом одеяле сидит худой мужчина с бородой. Он открывает жестянную банку с едой, кажется, это фасоль, и протягивает ее женщине. Женщина берет банку и благодарит мужчину. Я улыбаюсь им. Мужчина кивает и улыбается мне в ответ. Мне кажется, им очень хорошо живется вдвоем в этой палатке. Я уверена, что, если кто-то может быть счастливым в маленькой палатке на улице, мы в нашей теплой комнате точно будем счастливы. И тут у меня появляется идея.

Дочь: Мам?

Мать: Да?

Дочь: А ты все еще хочешь съесть стейк, который нам дал Стив?

Мать: Нет...

Дочь: Мам, а давай отдадим его им?

Мать: Кому?

Дочь: Вот этим людям, видишь? Им он нужнее. И они ему будут больше рады.

Мать: Это правда: им же не пришлось пережить откровенно мерзкую сцену со Стивом и разочарование в еще одном знакомом... Но...

Мать: Мне как-то неудобно им предлагать... и им придется его есть холодным...

Дочь: Ну хочешь, мы можем разогреть его дома, и я вернусь и принесу его им горячим на тарелке?

Мать: Не говори ерунды. Вот, просто отдай им пакет.

Дочь: Ты отдай.

Мать: Почему я?

Дочь: Я чувствую, что ты ДОЛЖНА сделать это сама.

Мать: Я иду к палатке. Почему она вечно заставляет меня делать что-то от чего мне некомфортно?

Мать: Здрасьте... Добрый вечер...

У меня тут есть мясо... говядина. Я не знаю, может, вы захотите его взять? Мы просто мясо не едим...

Мать: Я замечаю, что она закатывает глаза – ее забавляет мое неумение врать.

Мать: Я работаю в ресторане, то есть в пабе – мясо оттуда. Хотите взять его? Оно холодное, но все равно должно быть вкусное. Отлично. Спасибо вам! Спокойной ночи.

Мать: Не знаю даже, чего я опасалась. Я ожидала чего угодно, но не такой вежливой и достойной реакции какого-то изящного обращения. В конце они сказали: «Благослови вас бог». Теперь я понимаю, что это было самое правильное решение – именно так и надо было поступить.
Поставить точку.
Я больше не вернусь в этот паб.
Я что-нибудь придумаю.

Мы молча идем дальше. Немного впереди дорогу перебегает лиса. Она останавливается и внимательно смотрит на нас, принюхиваясь. Прости, дружок, еды больше нет. Ты тоже что-нибудь придумаешь.

Дочь: Мам?

Мать: Да?

Дочь: Тебе тут нравится?

Мать: Я... я не знаю. А тебе?

Дочь: Мне нравится. И я думаю, что тебе тоже тут понравится.

Мать: *Мы идем по нашей улице. Только она и я. Уже почти дома.*

Она немного отстает, идет, шаркая.

Она устала и знает, что нет ничего страшного в том, чтобы это показать. Я беру ее за руку. У нее маленькая ладошка, но она сжимает мою так сильно, что мне снова становится больно.

Мать: Ай!

Мать: *Она вся такая. Крошечная, но полная энергии, как заведенная пружина.*

Она боится любых насекомых, но ее не пугает перелет с двумя пересадками и одним рюкзаком в неизвестность. Она отважно бросается в погоню за человеком в балаклаве, который пытался нас ограбить. И может без опаски подойти к мужчине, который мне понравился, и завести разговор. Или закончить разговор, который ей кажется неправильным. И она не боится быть одна, хотя никогда не будет против хорошей компании.

И пока она радуется теплому летнему вечеру, после тяжелого дня, который все же закончился для нас хорошо, и не слышит меня, я вам расскажу кое-что.

*Мне очень стыдно перед ней.
За то, что мы приехали сюда без папы.
За то, что мне приходится работать на кухне, хотя у меня
два высших образования.
За то, что это здесь неважно и никому не интересно.
За то, что я уже не молодая и красивая, как раньше.*

*И я чувствую себя очень виноватой перед ней. Я постоянно
думаю, что я ее подвела, притащила непонятно куда и
зачем, куда нас никто не звал и где мы никому не нужны, и где
порой более опасно, чем дома.*

*Мне стыдно, что у меня нет плана.
Моя вина в том, что я хочу лучшей жизни, но при этом не
уверена, что я ее заслуживаю. Но ведь я хочу ее не для себя.
Для нее, я хочу, чтобы она могла жить достойно, а не как я.*

*В то же время я так рада, что она здесь, со мной. Что она
не спрашивает, как и где мы будем жить через год или через
пять лет. Я так благодарна ей за то, что она способна
жить настоящим.*

*Кому-то из вас может показаться, что тащить ее сюда с
собой было ошибкой. Что это все усложняет. Но без нее я
была бы совсем одна в этом мире. Я люблю ее больше всего
на свете. И я никогда не перестану восхищаться ее
талантом сохранять веру в лучшее во что бы то ни стало
и знать, что мы со всем справимся.*

Мы дома, в нашей маленькой комнате. Темно.

Сцена 7: Ночь

Дочь: Мам, ложись, отдыхай. Я тебя поглажу, чтобы ты поскорее
заснула.

Мать: Я очень тяжелая. Руки и ноги как будто весят по сто килограммов. Я тону в дешевом пружинном матрасе. Она гладит меня, и я чувствую себя легче, легче, легче... Словно постепенно эта тяжесть уходит. Еще немного, и я смогу заснуть.

Дочь (шепотом): Мам? мам! Ты спиши?

Дочь: Она заснула, да?

Я легонько целую ее в щеку.

Дочь (шепотом в зал):

А вы меня слышите? И видите тоже?

Иногда мне кажется, что меня здесь нет.

Но мама говорит, что я тут. Она уверена, что приехала сюда из-за меня. Что она бы никуда не поехала без меня. И это правда.

Но на самом деле, меня нет. У мамы нет детей. Мама меня придумала.

Она всегда хотела иметь дочь. Она представляла себе, какой я буду. Читала книжки про детей. Разговаривала с психотерапевтом, который ей рассказал про внутреннего ребенка.

Но я больше, чем все это.

Я – это ребенок, которого у нее никогда не было. И ребенок, которым она все еще является сама. Я ее нестареющая душа, которая безошибочно определяет другие добрые души вокруг.

Я ее неотделимая часть. Ее свет. Ее смелость. Ее упрямство – хотя этого у нее самой хоть отбавляй.

Я та оптимистичная, открытая новому и любопытная часть ее, которую она прячет от большинства людей.

Потому что считает, что я очень хрупкая и надо меня беречь.

Но я сильная. Я бегаю. Прыгаю. Громко смеюсь. Я никогда не сомневаюсь в ней. Или в себе. Мне плевать, что подумают другие люди.

Я помогаю ей, когда она устала. Когда ей страшно. Когда она вот-вот потеряет надежду.

В такие моменты она зовет меня – и я прихожу. Я рядом, и она всегда может на меня рассчитывать.

Я ее прошлое, настоящее и будущее – по крайней мере пока.

Возможно, через несколько лет я ей уже не понадоблюсь. В ее жизни будет стабильность и уверенность в будущем, которой нет сейчас.

Она найдет работу, где сможет проявить все свои таланты и быть собой, занимаясь любимым делом.

Она найдет любовь – того, кто будет обожать ее за то, какая она есть, а не осуждать ее за то, чего ей не хватает.

У нее будет дом. Она будет приглашать друзей к себе на ужин (и готовить будет сама).

И у нее будет ребенок. Настоящий. Не выдуманный.

Но я все равно буду рядом – вдруг я ей понадоблюсь. Я буду незаметно заботиться о ней и следить за тем, чтобы она не забывала веселиться, что бы ни происходило в ее жизни.

И я знаю, что она добьется всего, о чем мечтает, какой бы путь она ни выбрала. Потому что она...

Мать: ...самая лучшая!

Дочь: ...самая лучшая!

Конец.

© Анна Власюк. 2025